

Н.Я. Грот

**Основные вопросы философии XVII и XVIII
вв**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н11

Н11 **Н.Я. Грот**
Основные вопросы философии XVII и XVIII вв / Н.Я. Грот – М.: Книга по Требованию, 2023. – 165 с.

ISBN 978-5-458-11769-2

ISBN 978-5-458-11769-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

жизни, общіе законы, духовнаго взаимодействія личностей. Отъ того и выходитъ по удачному выраженію Достоевскаго [въ романѣ "Идіотъ"] , что "типы |хороша - го художника| , чрезвычайно рѣдко встрѣчающіеся въ дѣйствительности цѣ - ликомъ, тѣмъ не менѣе почти дѣйствительнѣе самой дѣйствительности" [ч. IV, I]. "Подколесинъ въ своемъ типическомъ видѣ, поясняетъ Д., можетъ быть даже преувеличеніе, но отнюдь не небывальщина. Какое множество умныхъ людей, узнавъ отъ Гоголя про Подколесина, тотчасъ стали находить, что десятки и сотни ихъ добрыхъ знакомыхъ и друзей ужасно похожи на Подко - лесина. Они и до Гоголя знали, что эти друзья ихъ такіе, какъ Подколе - синъ, но только не знали еще, что они именно такъ называются." "Въ са - мой дѣйствительности типичность лицъ, говоритъ дальше Достоевскій, какъ бы разбавляется водой - всѣ типы художника снуютъ и бѣгаютъ предъ нами ежедневно, но какъ бы въ нѣсколько разжиженномъ состояніи". И вотъ за - дача правдиваго историка-художника, скажу я уже отъ себя, состоитъ въ томъ, чтобы, создавъ творчески объективные типы людей известной эпохи, народа, общества, сумѣть найти ту пропорцію разжиженія, которая необ - ходима для правдиваго воспроизведенія портретовъ ДѢЙСТВИТЕЛЬНО жившихъ людей и РЕАЛЬНОЙ картины жизни человѣческаго общества въ ту или другую эпоху. Критеріемъ для такой работы является опытъ, изученіе и сопоста - вленіе фактовъ, какъ живописецъ-портретистъ, историкъ постоянно долженъ отрывать отъ полотна, на которомъ пишетъ, и вглядываться въ дѣйстви - тельныя событія, въ переданные ему преданіемъ образы людей - эти разжи - женныя воплощенія типовъ. И этимъ историкъ отличается отъ поэта.

Все это я считалъ нужнымъ сказать, чтобы выяснить предъ Вами свою задачу историка философіи.

Исторія философіи есть исторія мыслей, чувствъ и стремленій людей т.е. исторія душевной жизни по преимуществу. Въ истолкованіи этой исто - ріи убѣжденія и личные идеалы историка еще важнѣе, чѣмъ въ исторіи по - литической и общественной жизни, въ исторіи поступковъ и дѣлъ людскихъ. Каждый новый шагъ на пути мысли, эстетической оцѣнки и нравственныхъ стремленій въ исторіи философіи является для историка прогрессомъ или регрессомъ, важнымъ событіемъ или ничтожнымъ происшествіемъ, смотря по - тому, какихъ онъ самъ держится убѣжденій относительно задачъ мысли, чув - ства и воли человѣческой. Интимныя убѣжденія историка философіи суть , конечно, -его собственныя философскія убѣжденія. Историкъ философіи не можетъ не быть философомъ. Иначе онъ ничего не пойметъ въ философскихъ подвигахъ и погрѣшностяхъ своихъ предшественниковъ. И чѣмъ шире его соб -

ственный кругозоръ, чѣмъ правильнѣе и глубже его пониманіе задачъ философіи, тѣмъ онъ будетъ ближе къ истинѣ въ группировкѣ философскихъ системъ прошлаго, въ истолкованіи ихъ значенія и взаимной связи. Не сами ли философы, становясь критиками-историками создаютъ прочную славу другихъ философовъ ?!

Конечно не самому историку философіи судить о достоинствѣ тѣхъ философскихъ убѣжденій, которыми онъ руководится въ критическомъ порядкѣ философскихъ системъ прошлаго. На это опять есть судъ исторіи, т.е. объективнаго самосознанія другихъ философовъ, если только онъ станетъ предметомъ исторіи. Но обойти историку философіи опредѣленіе задачъ и смысла философіи невозможно и съ этого опредѣленія и я долженъ начать свой небольшой курсъ исторіи новой философіи.

Человѣкомъ живетъ духомъ и въ этомъ отличительная черта и особый смыслъ его "человѣческаго" существованія, когда онъ выбился изъ условій чисто матеріальнаго прозябанія. И если онъ разъ уже началъ жить духомъ, то возвратъ къ прозябанію не проходитъ для него безнаказанно. Лишь только духовные интересы въ немъ изсякаютъ, лишь только духовныя силы перестаютъ въ немъ первенствовать и направлять его животное существованіе, такъ тотчасъ же жизнь его начинаетъ разстраиваться, въ немъ пробуждаются низменные инстинкты, животныя страсти, безграничный, ненасытный эгоизмъ или безысходная апатія, ненависть къ жизни. Естественнымъ послѣдствіемъ такого расстройства въ работѣ жизни являются тяжкія болѣзни, весьма часто болѣзни психическія, иногда стремленіе къ самоубійству.

Духовными интересами живетъ и долженъ жить человѣкъ; но духовные интересы его различны. Мысль влечетъ его къ идеалу истины, полноты и совершенствъ знанія; чувство влечетъ его къ красотѣ, т.е. къ полнотѣ духовнаго наслажденія гармоніей въ мірѣ и въ немъ самомъ; воля ставитъ предъ нимъ идеалъ добра, т.е. полноты проявленія его дѣятельныхъ силъ. Всѣ эти различные, духовные интересы создали особый области духовной жизни человѣка-науку, искусство, религію. Но въ своемъ исключительномъ и одностороннемъ развитіи всѣ эти интересы и области духовной жизни человѣка естественно перекрещиваются, сталкиваются другъ съ другомъ, вступаютъ въ борьбу. Умъ своимъ холоднымъ анализомъ склоненъ убивать живую конкретность и красоту явленій жизни, дѣльность и энергію стремленій къ добру: онъ слишкомъ часто иссушаетъ сердце и парализуетъ активную энергію человѣка; чувство, предоставленное исключительно самому себѣ, подкупаетъ мысль, уменьшаетъ силу рефлексіи и нерѣдко расслабляетъ волю. Не сдерживаемое умомъ и волею, чувство выходитъ изъ бе-

реговъ и наводняетъ бурнымъ потокомъ всѣ области духовнаго существованія чело-вѣка, вступаетъ въ борьбу съ логикой ума; дѣлаетъ волю орудіемъ при-хоти и вкуса. Въ свою очередь и воля, при исключительномъ напряженіи, хотя бы въ сторону самообузданія и самоограниченія, дѣлаетъ изъ чело-вѣка безучастнаго и холоднаго зрителя красоты и гармоніи, слѣпаго фа-натика долга и врага всякаго умственного прогресса. Высокъ идеалъ доб-ра, но, если всѣ силы души только на него направлены, то красота пред-ставляется соблазномъ, а работа мысли - излишней роскошью и помѣхой для надлежащей нравственной кристаллизаціи. Но развѣ задача духовнаго чело-вѣка - кристаллизоваться и застыть въ созерцаніи своей добродѣтели? Выс-шій идеалъ чело-вѣка заключается конечно въ полнотѣ и гармоніи его ду-ховнаго существованія, въ полномъ взаимномъ проникновеніи въ его жиз-ни идеаловъ истины, красоты и добра, энергіей мысли, чувства и воли. Выс-шій идеалъ чело-вѣка - геніальность, а не святость. Иначе зачѣмъ бы да-на была ему сила тонко мыслить и глубоко чувствовать? Святые уходятъ изъ міра, ибо они отрицаютъ міръ. Святые, если они ТОЛЬКО святые, - эго-исты, ибо зачѣмъ имъ помогать другимъ людямъ жить въ мірѣ и во грѣхахъ? А если святой умираетъ за ближнихъ своихъ, то онъ уже не только святой, онъ этимъ самымъ признаетъ міръ, утверждаетъ его будущую красоту и сво-боду. Его жертва есть жертва свободы мысли и красоты жизни.

Та способность душевная, которая стремится въ чело-вѣкѣ примирить идеалы красоты, истины и добра есть способность самосознанія, и благо-даря этой способности чело-вѣкъ можетъ и долженъ регулировать свою внут-реннюю жизнь, умѣрять крайности непримиримой логики ума, увлеченія чувства и прямолинейности воли. Эта способность иначе называется разу-момъ. Она породила особую область духовной жизни чело-вѣка, направленную къ внутреннему умиротвореніи и синтезу, и эта область - ФИЛОСОФІЯ. Фи-лософія значитъ буквально - любовь или стремленіе къ мудрости. Мудрость не есть ни воспріимчивость къ истинѣ, ни чуткость къ красотѣ, ни вле-ченіе къ добру, взятыя отдѣльно, а высшій образъ ихъ гармоніи, идеалъ примиренія ума, воли и чувства и достиженіе ими полного равновѣсія. На-ука, искусство и религія много враждовали между собою и часто подкапы-вались другъ подъ друга. Объ этомъ свидѣлствуютъ объективные факты исторіи. Философія въ лучшихъ своихъ представителяхъ всегда старалась примирять ихъ между собой, ограничить и точно очертить область каждой. Къ этому стремились величайшіе геніи - философы - Платонъ, Аристотель, Лейбницъ, Кантъ.

Но опираясь на науку, - сама наука - философия часто забывала свое широкое призвание и превращалась въ гербарій сухихъ отвлеченностей. Черпая вдохновеніе въ художественномъ созерцаніи жизни, она - въ другія эпохи - отдавалась неукротимымъ порывамъ фантазіи и мечтамъ художественно возсоздать міръ на почвѣ чувства гармоніи, стремясь овладѣть волей; она иногда мечтала одной силою абстракціи построить идеи добра и долга и стать на мѣсто упраздненной ею религіи. Иногда бывало и на оборотъ: она всецѣло подчинялась религіи, наукѣ или художественнымъ идеаламъ времени и робко шла на буксирѣ ихъ, отрекаясь, отъ своей собственной индивидуальности. Все это увлеченіе, признаки слабости и малодушія въ самихъ представителяхъ философіи. Философія не можетъ быть только наукой, одной изъ наукъ, научной философіей, ибо тогда къ чему и самое понятіе философіи - стремленія къ мудрости, а не только къ истинѣ? Философія не можетъ быть только искусствомъ, субъективнымъ, творчествомъ, синтезомъ чувствъ, ибо кто осуществитъ этотъ синтезъ, если не разумъ чловѣка? Она не можетъ, наконецъ замѣнить и религіи, стать новой религіей чловѣчества, ибо не можетъ основаться на одной вѣрѣ, на субъективныхъ идеалахъ воли, а должна оправдать ихъ разсудкомъ. Платонъ считалъ философію высшей наукой, истинной наукой о бытіи, - величайшимъ искусствомъ *μεγίστη τέχνη* или синтезомъ всѣхъ стремленій чловѣческаго духа къ гармоніи и творчеству, и въ то же время воплощеніемъ всѣхъ лучшихъ, нравственныхъ порывовъ воли. Этого взгляда Платона придерживаемся и мы.

И этими взглядами на значеніе философіи освѣщается для насъ весь ходъ исторіи ея. Философія, какъ наука, стремится дать синтезъ всѣхъ знаній въ одно цѣльное ученіе о мірѣ и чловѣкѣ. Какъ искусство, она стремится условить и выразить самый интимный смыслъ міровой жизни, міровой гармоніи и красоты. Какъ критика религіознаго сознанія она мечтаетъ найти самыя общія и точныя формулы духовнаго бытія міра и дѣятельности нравственныхъ существъ. Первую задачу выполняютъ теорія знанія и психологія, вторую метафизика и эстетика, третью этика и политика. Поэтому цѣльное философское ученіе или система обнимаетъ собой теорію знанія, со включеніемъ логики, и психологію метафизику и эстетику; этику и политику. Теперь мы знаемъ, чего ожидать чего требовать отъ философскихъ ученій прошлаго, чѣмъ руш водиться по оцѣнкѣ ихъ значенія и взаимныхъ отношеній. Вопросъ сводится къ тому, насколько отдѣльныя философіи и философскія школы удовлетворительно выполнили всю совокупность э

дачь философіи.

Одинъ изъ первыхъ историковъ философіи, писатель XVIII в. *Joh. Jak. Brucker*, написавшій 7 томовъ исторіи философіи на нѣмецкомъ языкѣ [1731-36] и 5 на латинскомъ [1742 - 44] высказалъ мысль, что исторія философіи есть "рядъ безконечныхъ примѣровъ заблужденій", такъ какъ истина можетъ быть только одна, а заблужденія людей разнообразны.

Въ свою очередь, ранѣе его, гениальный ЛЕЙБНИЦЪ утверждалъ, что большинство философовъ въ утвержденіяхъ своихъ правы, и неправы только въ отрицаніяхъ.

Мы думаемъ, что вѣрно судили и Лейбницъ и Брукеръ. Человѣческій геній съ разныхъ сторонъ проникалъ въ храмъ истины, добра и красоты, и противоположныя убѣжденія часто являются одинаково правильными при данномъ ихъ ограниченіи другъ другомъ. Но по малодушію и слабости, свойственнымъ индивидуальной природѣ человѣка, всякій философъ, самый гениальный, все таки много заблуждался въ истолкованіи частныхъ явленій, и нѣтъ въ исторіи философа, который бы не говорилъ нелѣпостей и даже прямо глупостей.

Отсюда для историка философіи задача - отдѣлить истину отъ лжи, пшеницу отъ плевелъ; - просѣять каждое ученіе сквозь рѣшето строгой критики и овладѣть его лучшими, вѣчно-жизненными элементами.

Но задача историка философіи - понять не только смыслъ отдѣльныхъ ученій, но и общій смыслъ эпохи въ развитіи философіи. Историкъ философіи, не умѣющій схватить духъ эпохи, или не знаетъ исторіи философіи, или - плохой философъ. Приступаемъ къ анализу явленій новой философіи - философіи XVII и XVIII вв., мы должны прежде всего спросить себя: какіе результаты дала, какой смыслъ имѣла философія предшествующихъ столѣтій. Мы сдѣлаемъ это кратко, догматически на основаніи нашего личнаго изученія исторіи философіи древней и средне-вѣковой.

Систематическое развитіе философіи начинается въ VI в. до Р.Х. - 25 столѣтій тому назадъ. Самый терминъ философіи возникъ, повидимому, въ это же время и изобрѣтеніе его приписывается Пифагору. Къ VI же вѣку относится повидимому и появленіе важнѣйшихъ философскихъ движеній мысли на Востокѣ - въ Китаѣ Конфуціанство, въ Индіи - Буддизмъ.

Греческая философія, связанная многочисленными нитями съ новой европейской философіей, составляющей продолженіе ея развитія и дальнѣй-

шую разработку разработку поставленныхъ ею проблемъ, возникла сначала на окраинахъ греческаго міра въ Малой Азіи|Ионическая школа| и въ греческихъ колоніяхъ Италіи|Пифагорейская и Элейская философія| и философскія движенія съ окраинъ лишь постепенно стягивались къ центру, къ Афинамъ. Эмпедоклъ въ V в. жилъ и училъ въ Агригентѣ въ Сициліи. Демокритъ основатель древняго матеріализма родился въ Абдерѣ, въ Фракіи, но во время своихъ путешествій по преданію, былъ и въ Афинахъ. Въ Афинахъ въ IV в. жилъ въ вѣкъ Перикла Анаксагоръ, и здѣсь же въ концѣ того же вѣка училъ философіи Секратъ. Въ Афинахъ затѣмъ, въ VI в. до Р.Х. жили и учили великій ученикъ Сократа Платонъ и его не менѣе великій ученикъ Аристотель. Этимъ и кончается періодъ разцвѣта греческой философіи. После этого философское движеніе занимаетъ снова центробѣжное теченіе: Стоическая, Эпикурейская и Скептическая философіи, возникшія въ Греціи въ концѣ IV в., достигаютъ наибольшаго развитія въ слѣдующіе вѣка въ Италіи, въ Римѣ; мистическія теченія въ философіи, а именно Лудейско-Александрійская школа въ I в. нашей эры, Новопифагореизмъ и Новоплатонизмъ появляются и съ особенной силой развиваются въ Александріи.

Древняя греческая философія сначала вполне сливалась съ научной, художественной и религіозной работой человѣческаго сознанія, ибо до-сократовскіе философы были въ то же время или учеными математиками, астрономами и физиками, какъ Талесъ, Анаксимандръ и Пифагоръ, или поэтами, какъ Ксенофанъ, Парменидъ и Эмпедоклъ, или религіозными проповѣдниками, какъ тѣ же Пифагоръ, Ксенофанъ и Эмпедоклъ. Какъ нѣчто самостоятельное и отдѣльное отъ спеціальной науки, отъ религіи и искусства, философія и индивидуализируется лишь подъ вліяніемъ ученія Сократа о методахъ опредѣленія понятій, въ великихъ системахъ Платона и Аристотеля, въ системѣ Платона, какъ ученіе объ отвлеченныхъ началахъ сущаго. Только въ этихъ грандіозныхъ системахъ отвлеченныхъ истинъ извѣстныхъ намъ благодаря дошедшимъ до насъ подлиннымъ сочиненіямъ этихъ мыслителей, философія выполняетъ все свое назначеніе, пытается обнять въ одномъ синтезѣ все указанная нами области задачъ своихъ, поставить и разрѣшить все основныя проблемы знанія, бытія, жизни, міровой гармоніи и человѣческаго поведенія. Но въ то же время, несомнѣнно, что системы Платона и Аристотеля составляютъ синтезъ и конечный итогъ всехъ философскихъ доктринъ и стремленій 2 предшествующихъ вѣковъ и что въ нихъ даже были заложены главныя философскія направленія не только древности, но и новаго времени.

Ионійскіе философы, ТАЛЕСЪ, АНАКСИМАНДРЪ, АНАКСИМЕНЪ, ГЕРАКЛИТЪ,

старались открыть первоначальную материальную основу мира и выяснить процессъ ея превращенія въ различные живые и одушевленные элементы природы. ПИΘΑΓΟРЕЙЦЫ и ЭЛЕЙЦЫ искали опредѣленія вѣчныхъ идеальныхъ началъ бытія, которыя Пифагоръ видѣлъ въ числахъ, Элейцы въ идеѣ единой, духовной субстанціи ЭМΠΕΔΟΚΛЪ искалъ опредѣленія материальныхъ элементовъ и внутреннихъ силъ, творящихъ природу и таковыми призналъ любовь и ненависть. АНАКСАГОРЪ выработалъ понятіе разума, какъ творческаго начала, лежащаго въ основѣ міроваго процесса. Сведя матерію къ безчисленнымъ разнороднымъ группамъ качественно отличныхъ частицъ, ДЕМОКРИТЪ создалъ идею материальнаго атома и пытался найти механическіе законы сочетанія атомовъ въ разнородные предметы и существа. ПРОТАГОРЪ показалъ относительность знанія и понятій нашего ума. Сократъ открылъ методъ выработки умомъ изъ элементовъ относительныхъ и шаткихъ, устойчивыхъ и твердыхъ понятій о жизни путемъ самопознанія человѣческаго духа. Такимъ образомъ въ различныхъ направленіяхъ заложены начала метафизики и теорія знанія. Въ то же время въ ученіяхъ ПИΘΑГОРА, ЭЛЕЙЦЕВЪ, ЭМΠΕΔΟΚЛА и АНАКСАГОРА мы находимъ попытку найти принципъ для объясненія міровой гармоніи. Въ ученіяхъ ПИΘΑГОРА, ДЕМОКРИТА, софиста ПРОТАГОРА и СОКРАТА есть слѣды своеобразной, у каждого, психологіи. Нравственные идеалы человѣчества старались выработать и опредѣлить Пифагоръ, Демокритъ, Сократъ.

Нужны были затѣмъ геніи, способные обнять и воплотить въ ясное систематическое цѣлое всѣ эти разнообразныя и отчасти противоположныя усилія мысли, овладѣть общими началами вещей, усилія чувства проникнуть въ смыслъ міровой гармоніи и жизни, усилія воли, создать для себя твердые и отчетливые идеалы поведенія. И такіе геніи явились въ лицѣ Платона и Аристотеля. Системы этихъ двухъ философовъ подводятъ итоги всему предшествующему движенію въ двухъ главныхъ направленіяхъ. Въ міровоззрѣніи Платона первенствуютъ интересы воли и чувства - задачи этическія и эстетическія, въ міропостроеніи Аристотеля интересы ума - задачи логическія, хотя и понятія отчасти эстетически. Можно сказать, что Платонъ построилъ свою діалектику-ученіе объ идеяхъ, какъ началахъ вещей и какъ объектахъ истиннаго знанія, для того, чтобы дать твердую основу своей эстетической этикѣ и политикѣ. Аристотель наоборотъ вывелъ свою этику и политику, какъ необходимыя приложенія и слѣдствія своей метафизики и логики. Въ ученіи Платона первенствовало самопознаніе, въ ученіи Аристотеля изученіе внѣшней дѣйствительности и ея законовъ. Во всякомъ случаѣ оба философа возвысились до такой степени самосознанія,

какая только была доступна человеку древняго мира. Но для обоихъ выше интересовъ воли и мысли стоялъ нѣкоторый иной общій интересъ, господствовавшій во всей греческой философіи и о которомъ мы скажемъ ниже.

Однако самосознанію греческихъ философовъ далеко еще были не доступны самыя глубины человѣч. мысли и воли. "Умъ," былъ только что открытъ Анаксагоромъ, "понятія" ума впервые созданы отчетливо Сократомъ. Воля предносилась имъ самосознанію въ мистической формѣ любви и ненависти Эмпедокла. Платонъ разработалъ далѣе ученіе о понятіяхъ и о діалектическихъ операціяхъ надъ ними нашей мысли; Аристотель создалъ теорію сужденія, умозаключенія и доказательства, какъ логическихъ операцій ума. Въ свою очередь Платонъ расширилъ идею любви Эмпедокла до понятія Эроса, стремленія человѣческой души къ вѣчному, къ идеалу. Аристотель далъ начатки психологическаго ученія о волѣ, какъ особой способности души. И однако пониманіе ими природы человека было во многихъ отношеніяхъ еще очень грубо и наивно.

Значительно долѣе греческіе философы пошли въ построеніяхъ метафизическихъ, въ ученіи о природѣ и началахъ бытія. Элейцами было отмѣчено его единство, его вѣчность и неизмѣнность. Пифагоръ открылъ противоположность его формъ и количественныя числовыя нормы міровыхъ отношеній. Гераклитъ понялъ относительность и неустойчивость явленій окружающей насъ опытной дѣйствительности. Онъ же истолковалъ міровой процессъ, какъ вѣчную борьбу противоположностей. Анаксагоръ указалъ участіе разума въ міровомъ творествѣ. Эмпедоклъ открылъ вѣчность матеріи и противоположность силъ. Демокритъ ученіемъ объ атомахъ поставилъ предѣлъ безконечной дѣлимости вещества и понялъ значеніе механическихъ процессовъ въ образованіи матеріальнаго міра. Аристотель и Платонъ окончательно выработали понятіе инертнаго вещества въ противоположность понятію формы, какъ начала творческаго, т.е. понятію силы. Они же впервые отчетливо опредѣлили противоположные признаки матеріальнаго и духовнаго, дѣйствительнаго и идеальнаго. Главная же слабая сторона ихъ метафизики заключалась въ томъ, что они еще недостаточно связывали свои теоріи бытія съ своими теоріями знанія. Они не понимали, что мы познаемъ міръ только въ своихъ ощущеніяхъ и понятіяхъ, т.е. психическихъ состояніяхъ что для пониманія свойствъ бытія надо опредѣлить источники нашихъ понятій, процессы нашей душевной самодѣятельности. Эту то психическую задачу и стремилась выполнить новая философія.

Греческіе философы руководились въ построеніяхъ своихъ чаще всего непосредственнымъ чувствомъ, инстинктомъ. Инстинктомъ Анаксимандръ, Гераклитъ и Эмпедоклъ предварили открытіе Дарвина, первый, призналъ принципъ измѣненія видовъ, превращенія однихъ органическихъ формъ въ другія, второй установилъ принципъ борьбы за существованія, третій - принципы приспособленія и выживанія наилучше - приспособленныхъ органическихъ формъ. Такимъ же непосредственнымъ чутьемъ Анаксагоръ открылъ разумъ, Демократъ - атомы. Чувствомъ постигъ Пифагоръ идею гармоніи міра, чувствомъ же открыли Эмпедоклъ и Платонъ великое значеніе любви въ мировомъ процессѣ - творческую силу Эроса. Преобладающей темой древней философіи является идея гармоніи - гармоніи противоположныхъ элементовъ силъ, идей. Не простая случайность и ученіе Аристотеля о добродѣтели, какъ серединѣ или гармоніи крайнихъ противоположностей. Высшая истина мыслилась Греками какъ постиженіе красоты и гармоніи міра, идеалъ высшего добра совпадалъ съ идеаломъ воплощенія мировой гармоніи въ жизни. Пифагорейская философія и философія Платона всецѣло проникнуты идеалами красоты и гармоніи, самыя типическія и цѣльныя системы греческой философіи. Не даромъ послѣдній періодъ греческой философіи былъ возвращеніемъ къ Пифагоризму и Платонизму. Но и единое Элейцевъ и умъ Анаксагора и даже логическій формализмъ Аристотеля - Воплощенія все того же эстетическаго стремленія къ постиженію гармоніи и красоты формъ въ мірѣ и въ духѣ человѣческомъ. Не даромъ и вся метафизика Аристотеля основана на ученіи о воплощеніи формъ въ матеріи. Интересы истины и добра безпрестанно приносятся въ жертву интересамъ красоты. Этика грековъ - этика счастья, духовнаго наслажденія. Логика грековъ - эстетика мысли, ихъ метафизика - эстетика бытія, онтологія красоты и гармоніи. И это неудивительно: чувство - законъ жизни человѣка - юности и юнаго, едва пробудившись къ самосознанію человѣчества. И только непосредственная энергія чувства могла породить такія грандіозныя, помимо всякаго точнаго знанія, все охватывающія, всѣ вопросы рѣшающія философскія системы, какъ, системы Платона и Аристотеля. И не даромъ послѣдній періодъ древней философіи - періодъ стоицизма, эпикуреизма, мистицизма есть періодъ философіи чувства по преимуществу. Въ этотъ періодъ вопросъ, какъ жить, окончательно разрѣшился въ вопросъ, какъ быть счастливымъ, лучше наслаждаться и меньше страдать; вопросъ какъ познать міръ разрѣшился въ вопросъ, какъ силою непосредственнаго чувства, независимо отъ ума, въ состояніи экстаза, проникнуть въ самыя нѣдра мирового бытія - постичь

непостижимое для ума бытіе божественное: объ этомъ мечталъ Платонъ, а -
тимъ идеаломъ руководится и вся философія Новоплатоновской школы, вѣрно
истолковавшая основную тенденцію философіи Платона - стремленіе уловить
истину и добро въ эротическомъ и мистическомъ созерцаіи красоты и гар-
моніи міра.

Распространеніе въ мірѣ мистической христіанской философіи есть
последній результатъ господства чувства надъ умомъ и волей и тѣмъ не
менѣе христіанская философія есть уже философія воли. Древній міръ вос-
принялъ христіанство и покорился ему ради интересовъ чувства, ради у-
довлетворенія своей неудовлетворенной мечты о земномъ счастьи. Но само
христіанское ученіе было отрицаніемъ этой мечты о земномъ счастьи; оно
заключало въ себѣ отрицаніе принципа красоты и гармоніи, какъ основнаго
нравственнаго начала жизни, и указаніе на новый идеалъ долга, самоот-
рѣченія, самоизцѣленія - идеалъ воли а не чувства. На Востокѣ и прежде
первенствовали интересы воли, интересы этическіе. Конфуціанство, буддизмъ
философія библейская - рядъ попытокъ разрѣшить практическія проблемы
жизни, найти выходъ изъ ея противорѣчій и дать волѣ твердое руковод-
ство въ поведеніи. Тѣмъ же духомъ проникнуто ученіе Христа. Конечно,
прежде всего это ученіе религіозное. Но если судить о немъ съ философ-
ской точки зрѣнія, то должно признать, что теоріи познанія въ Немъ нѣтъ
никакой, метафизика намѣчена лишь въ самыхъ общихъ чертахъ и зиждется
на признаніи господства духовнаго начала въ мірѣ, психологія Его не о-
предѣлена эстетикой въ Немъ нѣтъ, но за то этика самая глубокая,
развитая и цѣльная. Никогда еще волѣ человѣческой не ставились такіе
высокіе и отчетливые идеалы, какъ въ этомъ глубокомъ религіозномъ уче-
ніи. И не удивительно, что оно восторжествовало, что оно покорило себѣ
весь древній міръ. Мысль въ тщетныхъ поискахъ за полнотою истины утоми-
лась и разочаровалась въ своемъ могуществѣ; чувство, нечерпавъ все-
возможные виды и создавъ образцы всѣхъ доступныхъ его непосредствен-
ному пониманію формъ красоты пресытилось и измельчало. Душѣ человѣчес-
кой нечѣмъ было жить, а надо было жить и дѣйствовать. Идеалы воли у
древнихъ культурныхъ народовъ были смутно поставлены и новыя религіоз-
ныя ученія, поставившія ихъ ясно и твердо, стало быстро распространять-
ся и постепенно стало господствующимъ. Трудно говорить о столь важныхъ
явленіяхъ въ немногихъ словахъ. Но мы предупредили, что излагаемъ пока
только свои личныя убѣжденія, общія теоретическія начала будущаго ана-
лиза.